

Б. А. Калоев

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ НАД КАВКАЗСКИМ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ АТЛАСОМ)

Кавказ по праву считается одним из древнейших мировых очагов земледелия. Как отмечает известный советский ученый Н. И. Вавилов, здесь возникли такие сорта важнейших культурных растений — пшеницы, ячменя, ржи, которые не имели «конкурентов в мировом ассортименте»; здесь были созданы оригинальные сельскохозяйственные орудия, появились особые навыки и приемы земледелия.

Н. И. Вавилов писал: «...нельзя понять эволюцию пшеницы и ржи без Кавказа». По его словам, сорта этих культур, выведенные в горных и предгорных районах Северного Кавказа, представляют исключительный интерес и должны стать основой практического семеноводства и селекции¹. Н. И. Вавилов был горячим сторонником дальнейшего развития горного земледелия в нашей стране, особенно на Кавказе, стоял за внедрение новых сортов зерновых злаков, овощных и плодовых культур во всех горных районах независимо от высоты их расположения. И правоту Н. И. Вавилова подтверждает полевой этнографический материал: жители горных районов Северного Кавказа достигли немалых успехов в этом отношении. В годы Советской власти и особенно после завершения коллективизации сельского хозяйства в горах появились самые различные овощные культуры, выращиваемые жителями и высокогорных сел. Во всех ущельях Балкарии, в Карачае, в низменных селах Осетии и Чечено-Ингушетии стали разводиться фруктовые сады.

Однако в связи с массовым переселением крестьян с гор на равнину, особенно в Осетии и Чечено-Ингушетии, в горах некоторые районы почти опустели², и теперь земледелие там совершенно заглохло. Возделывание зерновых культур не практикуется и во всех других горных районах Северного Кавказа. Все это привело к исчезновению не только местных, некогда прославленных сортов культурных растений — пшеницы, ячменя, ржи и т. д., но и многих традиционных навыков и приемов земледелия, а также сельскохозяйственных орудий.

Все сказанное свидетельствует о важности изучения истории земледелия в этом районе. Однако изучение это связано с рядом трудностей, и прежде всего со слабой разработанностью данной проблемы в литературе, а также недостаточностью архивных источников и полевого этно-

¹ Н. И. Вавилов, Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития, «Изв. АН СССР. Серия биологическая», 1957, № 5, стр. 596, 599.

² Первые массовые переселения горцев на равнину происходили в 30-х и 70-х годах XIX в.; последнее, наиболее значительное, — в первые годы Советской власти. В результате переселения, например, в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии опустели не только все самые высокогорные, но и ряд более низких горных районов, имевших в прошлом развитое земледелие.

графического материала. Главное внимание дореволюционных, а также большей части советских авторов обращено на изучение вопросов, касающихся сословно-земельных отношений горских народов, их земле-владения и землепользования³. Техника же обработки земель, сельскохозяйственные орудия, системы земледелия и т. д. оставались вне поля зрения исследователей.

70—80-е годы XIX в. (начало быстрого роста капитализма на Северном Кавказе) можно считать поворотным этапом в истории земледелия и всего хозяйства горцев. Именно к этому времени относится начало развития земледелия на равнине, а в связи с этим и упадок горного земледелия, а также исчезновение ряда важных традиционных черт этой отрасли хозяйства. Большую роль в развитии земледелия не только у горцев, но и у русских казаков сыграло переселение в это время в Ставрополье на Кубань, отчасти на Терек, крестьян — выходцев из южных губерний России (на новом месте их называли иногородними). Они принесли с собой не только более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, новые для этих мест культуры, но и навыки и приемы земледелия. Постепенно они передавали их своим соседям — казакам и горцам. В «Обзоре Кубанской области за 1886 г.» говорилось: «...благодаря именно иногороднему населению Кубанская область обогатилась громадным количеством усовершенствованных земледельческих орудий. Первое появление их совпадает с началом семидесятых годов, когда в область стали прибывать многочисленные переселенцы из внутренних губерний России; они-то и явились для коренных жителей новаторами земледельческой культуры»⁴. Все это способствовало резкому изменению соотношения темпов развития земледелия в горах и на равнине.

До 70—80-х годов земледелие в горах стояло гораздо выше по своему развитию, чем на плодородной равнине⁵, где скотоводство было тогда главным занятием населения. Для горного земледелия характерно было широкое применение искусственных террасных полей, удобрений, отчасти ирригации. Оно славилось своими высококачественными сортами зерновых культур. Здесь были известны основные системы земледелия: подсечная, плодосменная и переложно-залежная. В 70—80-е годы ведущей отраслью хозяйства и на равнине становится земледелие. Исключение представляла лишь Большая Кабарда, где скотоводство оставалось основным занятием до конца XIX в.

Развитие земледелия на равнине, в частности возделывание на больших площадях пшеницы, кукурузы, ржи и т. д., послужило одной из главных причин упадка горного земледелия. Получив возможность покупать хлеб за сравнительно невысокую цену и в нужном количестве⁶, горцы перестали заниматься искусственным террасным земледелием, требовавшим огромного труда, хуже стали обрабатывать и другие по-

³ «Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области», Владикавказ, 1908; Е. Максимов, Чеченцы. Историко-экономический и статистико-экономический очерк, «Терский сборник», вып. III, Владикавказ, 1893; П. Раждаев, Экономический быт горцев Нальчикского округа, Владикавказ, 1920; В. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период), Черкесск, 1960, и др.

⁴ «Обзор Кубанской области за 1886 г.», Екатеринодар, 1886, стр. 5—6.

⁵ Это довольно убедительно показал В. К. Гарданов на примере северо-западных адыгов: В. К. Гарданов, Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.), М., 1967.

⁶ Уже в 1880-х годах Чеченская равнина, например, стала житницей всего Восточного Кавказа, здесь во многих больших селах (Шали, Чечен-аул, Белгатой и др.) были созданы специальные базары для сбыта кукурузы, приобретаемой и жителями горных районов (см.: Н. А. Вороцкий, Чечня как хлебный оазис, «Сборник сведений о Терской области», вып. I, 1878, стр. 270—271).

севные участки⁷. Главной заботой их стало увеличение поголовья крупного и мелкого рогатого скота, развитие скотоводства, продукция которого приобретала все больший спрос на рынке.

В целом развитие хозяйства горцев Северного Кавказа, как и других районов Кавказа, определялось прежде всего вертикальной зональностью. Большую роль в этом играли также социальные и этнические факторы.

Всю территорию рассматриваемого региона можно разделить на три зоны: высокогорную, расположенную на высоте от 1500 до 3000 м и выше над уровнем моря; горную, поднимающуюся до 1500 м; равнинную. Каждая из этих зон обладала различными климатическими и почвенными условиями, требовавшими определенных культур и даже сортов культурных растений, особых сельскохозяйственных орудий, навыков и приемов земледелия.

В изучаемом регионе можно выделить три группы родственных по происхождению и культуре народов (адыго-абазинскую, осетино-балкаро-карачаевскую, чечено-ингушскую), у каждой из которых были свои традиции земледелия. При этом одни особенности земледелия ингушей объединяли их с чеченцами, другие же — с осетино-балкаро-карачаевской группой. Традиции же земледелия оседлых ногайцев Ставрополя сложились под влиянием адыгов (черкесов). Ногайцы заимствовали у последних сельскохозяйственные орудия, в том числе тяжелый передковый плуг и др. Отметим также, что адыго-абазинская группа народов, живших в основном на плодородных равнинах Северного Кавказа, находилась в отличие от других в весьма выгодном положении для успешного развития земледелия.

Рассмотрим эти зоны и одновременно земледельческие традиции, которые формировались в разные исторические периоды у каждой из указанных групп народов.

Высокогорная зона, расположенная в полосе вечных снегов, отличалась не только суровыми климатическими условиями, но и острой нехваткой пахотных земель, каменистой почвой, непригодной для возделывания культурных растений. Малоземелье вызвало здесь, как и по всей горной зоне, появление искусственных террасных полей; оно требовало систематического внесения удобрений, а там, где было необходимо, и проведения орошения. В высокогорной зоне сложилась особая система земледелия. Эта система характеризовалась полным преобладанием двухрядного морозоустойчивого скороспелого сорта ячменя, являвшегося главной хлебной культурой горцев. Орудиями для обработки почвы служили здесь различные мотыги, применявшиеся большей частью на террасных полях, и обычное горское пахотное орудие (рало) малых габаритов. Многие из этих орудий имели локальные отличия, а иногда и этническую специфику.

Вторая горная зона, отличающаяся более благоприятными, чем высокогорная, климатическими и почвенными условиями, была одним из развитых земледельческих районов Северного Кавказа. В отличие от плодородной равнины здесь издавна существовали все основные системы земледелия. Применение переложной системы было сильно ограничено малоземельем. Она практиковалась только у горских феодалов и кулаков, располагавших большими пахотными угодьями⁸. Возделывание

⁷ Вот что писал, например, учитель И. Хубиев из Большого Карачая про свой аул Карт-Джурт: «Обширная хлебородящая земля пространством более 500 десятин... превращается из года в год в бесплодную пустыню, которая никем не обрабатывается, а служит пастбищем» (И. Хубиев. Орошение полей (сабанов), «Кубанские областные ведомости», № 170, 1910).

⁸ «Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области», стр. 105.

различных культур вызвало повсеместное распространение плодосменной системы⁹. Чередовались обычно пшеница и ячмень. В конце 90-х годов XIX в. в связи с повсеместным распространением в горах картофеля он был включен в севооборот (на третий год).

Большое внимание в горах обращали на расположение пахотных полей: как правило, лучшие пахотные угодья находились на солнечной стороне и засевались наиболее урожайными яровыми и озимыми культурами, какими являлись ячмень и пшеница. Значительный интерес представляет здесь подсечное земледелие, получившее наибольшее развитие у западных адыгов и жителей предгорий Чечни¹⁰. Для многих чеченцев этого района и всех черноморских шапсугов подсечная система была до коллективизации единственной формой земледелия. Давность ее существования у этих народов подтверждается наличием у них основных методов подсеки — окольцовки и рубки, а также орудий подсечного земледелия — своеобразных ножей, топориков, мотыг и т. д., имевших локальные особенности и этническую специфику.

Важное значение в горах имело искусственное орошение и удобрение полей. Однако специальные ирригационные системы строились лишь у балкарцев и карачаевцев, а также в ряде мест восточной горной Чечни. Еще до сих пор можно встретить в горах Балкарии и Карачая немало действующих оросительных каналов протяженностью во много километров, идущих нередко по очень скалистым склонам гор, где в ряде мест вода подается через каменные и деревянные акведуки. «Горцы, — писал очевидец о карачаевцах, — опытные инженеры, и сооружение ими оросительных каналов производится по практическим соображениям. Воду они направляют на какую угодно высоту»¹¹. Особое внимание обращалось на сооружение главного канала (баш илипин, улку илипин), от которого отводили множество мелких каналов, орошавших пахотные и сенокосные поля отдельных хозяев. Интересно, например, что в карачаевском селе Учкулан насчитывалось девять главных каналов, сооруженных в разное время. У балкарцев такие каналы обычно тянутся вдоль всего большого ущелья, орошая пахотные и сенокосные поля нескольких сел. Давность традиции орошения у этих народов подтверждается и существовавшим у них строгим порядком распределения воды, которое осуществлял общественный выборный (суучула мираб).

Но если ирригацию в ее совершенной форме мы находим только у балкарцев и карачаевцев, то удобрение применялось по всему нагорному Кавказу. Систематическое удобрение почвы органическими веществами было в горах главным условием получения урожая. Наряду с навозом в ряде мест, особенно в Ингушетии, применяли в качестве удобрения и помет диких голубей¹². Из пахотных земель удобряли постоянно только поля, отличавшиеся значительным плодородием. Повсюду существовал единый порядок, по которому удобрение пахотных полей производили каждые 2—3 года. При этом количество вносимого навоза зависело от качества почвы и видов возделываемых культур. По данным В. П. Христиановича, ингуши, например, вносили на участок размером около полугектара под картофель от 34 до 86 т навоза, под кукурузу — от 25 до 75 т, под ячмень — от 23 до 59 т, под пшеницу — до 25 т, а под овес —

⁹ И. Клинген, Основные хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1892, стр. 51; Г. К. Мартиросян, Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк, «Изв. Ингушского НИИкраеведения», вып. I, Владикавказ, 1928, стр. 34; П. Н. Ражаев, Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе, Ростов-на-Дону, 1925, стр. 59.

¹⁰ И. Клинген, Указ. раб., стр. 47; В. В. Маркович, В лесах Ичкерии, «Лесной журнал», 1891, № 5, стр. 1033.

¹¹ «Тюрское племя», «Кубанский сборник», т. IV, 1910, стр. 292.

¹² Обитали они главным образом в башнях, которых особенно много в селах горной Ингушетии.

17 т¹³. Из органических удобрений лучшим считался овечий навоз, для чего горцы, особенно богатые овцеводы, осенью, после снятия хлебов, устраивали на своих пашнях загоны для ночного содержания овец.

Отсутствие скота у многих крестьян вынуждало их сдавать свои пашни богатым односельчанам сроком на год. Арендаторы удобряли и засеивали участки и забирали себе значительную часть урожая. Недостаток органических веществ в почве ощущался обычно в высокогорных безлесных районах, где из-за отсутствия лесов навоз использовался для приготовления кизяка.

Как отмечалось, рассматриваемая зона характеризовалась и выведением многих сортов культурных злаков. Особенно высоко ценились трех-, четырех- и шестирядные морозостойчивые сорта ячменя, а также озимая пшеница и распространившаяся в 80-х годах XIX в. в горах гречиха, принесенная на Кавказ русскими поселенцами. Среди указанных культур преобладал ячмень, сыгравший на определенном этапе большую роль в формировании национальной пищи горцев. У осетин, например, до переселения их на равнину пища и напитки готовились преимущественно из ячменной муки.

При изучении пахотных орудий, применявшихся в горах, выделяется единый тип, весьма сходный с ралом. Это орудие состояло из подошвы (полоза), рукоятки, штыря, железного лемеха и дышла. Хотя его конструкция была единой на всей изучаемой территории, этот тип орудия имел определенные локальные различия, что позволяет разделить его на два подтипа: в первом случае орудие имело длинное дышло, достигавшее ярма, во втором случае дышло заменялось обычно ремнем из воловьей кожи, соединявшим конец крюка (грядиля) с ярмом. По терминологии Г. С. Читая¹⁴, основанной на грузинском материале, первый подтип называется ярменным орудием, а второй — грядильным. Этот последний подтип был распространен в основном в высокогорных районах, ярменное орудие — на значительно более широкой территории. В долинах ярменное орудие делалось более массивным, снабжалось часто железным резаком для пахоты целинных и залежных земель.

Горское пахотное орудие, независимо от его разновидностей, имеет у каждого народа свое определенное название, что говорит о самостоятельном пути его развития: у чеченцев и ингушей оно именовалось *нох*, у осетин — *дзыбыр*, *дзывыр*, у адыгов — *пхъэлаш*, у балкарцев и карачаевцев — *сабан агъач*, *каладжюк* и т. д. В русской исторической и этнографической литературе это орудие обычно называют «плуг»¹⁵, «соха»¹⁶, «рало»¹⁷ (начиная с середины XIX в. широко утвердился термин «соха»). И до сих пор во всех кавказоведческих изданиях, в том числе в специальных этнографических работах, включая тома «Народы Кавказа», опубликованных Институтом этнографии АН СССР, горское орудие Северного Кавказа ошибочно именуют сохой. Между тем хорошо известно, что русская соха, прекрасно описанная в работе Д. М. Зеленина¹⁸, резко отличается по конструкции от кавказского горского пахотного орудия.

¹³ В. П. Христианович, Горная Ингушетия, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 194.

¹⁴ «Народы Кавказа», т. II, М., 1962, стр. 235—239.

¹⁵ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.)» (составление, вводная статья и примечания Б. А. Калоева), Орджоникидзе, 1967, стр. 171—172; П. Н. Раждаев, Указ. раб., стр. 58.

¹⁶ М. З. Кипиани, От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области, Владикавказ, 1884, стр. 42; Г. Вертепов, Осетины. Историко-статистический очерк, «Терский сборник», вып. 2, кн. 2, Владикавказ, 1892, стр. 26.

¹⁷ И. Серебряков, Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа, «Зап. Кавказского общества сельского хозяйства», 1867, № 1—2.

¹⁸ Д. М. Зеленин, Русская соха, ее история и виды. Очерк из истории русской земледельческой культуры, Вятка, 1908.

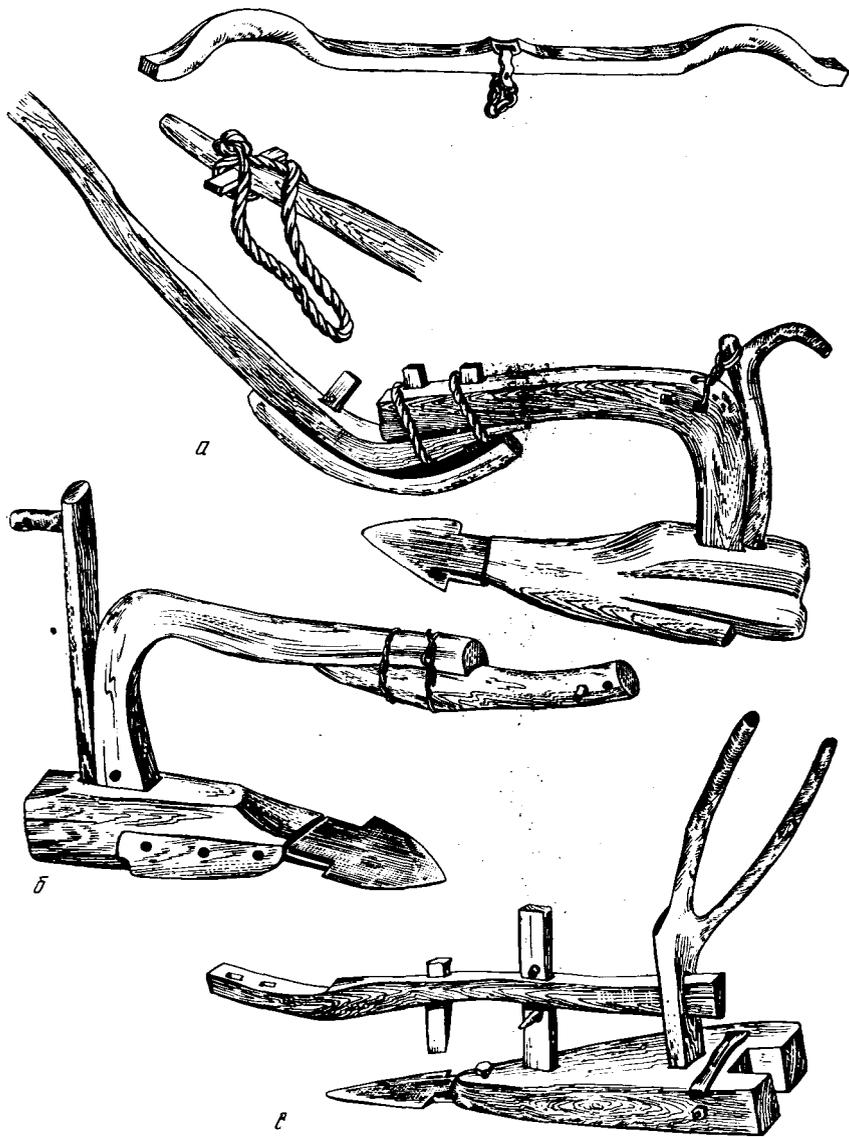

Рис. 1. Пахотные орудия горцев: *а* — яремное орудие, *б* — грядильное орудие, *в* — горный плуг

Единственное, что их роднит, — это простота конструкции¹⁹. Видимо, это и послужило главной причиной того, что горское орудие в литературе стали называть сохой. Горское пахотное орудие совершенно аналогично по своему устройству другому широко распространенному у многих народов мира безотвальному пахотному орудю — ралу, возникшему одновременно с горским орудием в период зарождения плужного земледелия (в VII—VI вв. до н. э.)²⁰. Первое употребление термина «рало» в кавказоведческой литературе относится к 60-м годам XIX в. Этим термином назвал горское орудие И. Серебряков, изучавший пахотные орудия у

¹⁹ Д. В. Найдич-Москаленко, О принципах классификации русских пахотных орудий, «Сов. этнография», 1959, № 1.

²⁰ «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, стр. 150.

адыгов. «Землю горцы,— писал он,— вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга, а другое более похоже на рало»²¹. Мы полагаем, что правильнее именовать и в дальнейшем горское орудие не сохой, а ралом.

Наряду с указанным орудием в горной зоне применяли также легкий бесперодковый плуг, в который впрягали две пары волов, и резак — вспомогательное орудие наподобие рала, находившееся впереди плуга и разрезавшее пласты горизонтально. Однако эти орудия были распространены в основном у чеченцев, располагавших в отличие от соседей и некоторыми другими сельскохозяйственными орудиями, появление которых, по нашему мнению, объясняется давними традициями выращивания кукурузы.

Равнинная зона Северного Кавказа отличалась, как говорилось, до 70-х годов XIX в. более низким, чем в горах, уровнем развития земледелия. Одной из главных причин этого была, несомненно, утеря многих земледельческих традиций на равнине в период опустошительных монгольских войн. Не менее важной причиной можно считать и то, что основное внимание населения здесь было обращено на развитие скотоводства, являвшегося более легкой и доходной отраслью хозяйства, чем земледелие. Жители равнины сочетали переложно-залежную систему со скотоводством (особенно кабардинцы, владевшие большими земельными угодьями). Еще в середине XIX в. в Кабарде поля оставляли под залежью на 20—25 лет²². Но уже в конце этого столетия в связи с естественным приростом населения и большим спросом на товарный хлеб, в частности кукурузу и пшеницу, срок залежи сократился в Большой Кабарде до 9—10 лет, а в Малой Кабарде, где земледелие стало главным занятием населения,— до 5—6 лет²³. На давность существования в Кабарде переложно-залежной системы указывает и весьма умелое хозяйственное распределение обрабатываемых земель. Здесь вся земля, пригодная под пашню, делилась на два или три участка, которые поочередно распахивали, пускали под сенокос и выпас. Другие горцы вследствие малоземелья не имели этой возможности, а потому, как свидетельствует полевой материал, срок залежи у них не превышал 2—3 лет.

Равнинная зона характеризовалась и наличием плодосменной системы, появившейся здесь в 70—80-е годы XIX в. Однако в конце столетия эта система вновь исчезла у многих горцев, что объясняется широким распространением кукурузы, ставшей на равнине почти единственным хлебным злаком.

В отличие от горных районов почти во всей равнинной зоне поля не удобряли и не орошали.

Полив полей практиковался издавна лишь на чеченской равнине, отличавшейся богатством водных ресурсов. «Большая и малая Чечня,— писал А. П. Берже,— перерезаны множеством каналов и болотистых топких ручьев»²⁴. Уже в конце XVIII — начале XIX в. здесь были известны Ханькальский и Шавдонский каналы, воды которых орошали земли в районе г. Грозного²⁵. Во второй половине XIX в. к ним прибавился ряд крупных оросительных каналов (Старо-Атагинский, Старо-Сунженский, Чечен-аульский, Бердыкемский и др.)²⁶, также построенных самими гор-

²¹ И. Серебряков, Указ. раб., № 1—2.

²² П. Раждеев, Экономический быт горцев Нальчикского округа, Владикавказ, 1920, стр. 45.

²³ В. П. Пожидаев, Хозяйственный быт Кабарды, «Труды по естественноисторическому обследованию Кабарды», т. III, вып. 1, Воронеж, 1925, стр. 77.

²⁴ А. П. Берже, Чечня и чеченцы, Тифлис, 1859, стр. 21.

²⁵ Центральный государственный архив Ставропольского края, ф. 125, оп. 2, ед. хр. 2, л. 44.

²⁶ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 121, л. 10; Н. А. Вроцкий, Указ. раб., стр. 272; Е. Максимов, Чеченцы (Историко-экономический очерк), «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893, стр. 13.

цами. Такое развитие оросительных систем здесь, несомненно, было вызвано широким возделыванием кукурузы.

Однако до появления этой культуры на равнине почти единственным хлебным злаком было просо — древнейшая местная культура, возделывавшаяся в силу климатических условий только в указанной зоне. Просо возделывали прежде всего адыгские народы — исконные обитатели равнины Северного Кавказа. Другие горцы познакомились с этой культурой позже, после переселения на равнину, примерно с XVII—XVIII вв. Еще в недавнем прошлом западные адыги возделывали до 15 различных сортов проса. В Большой Кабарде просо оставалось преобладающей культурой и в начале XX в.²⁷ Наконец, хорошо известно, что эта культура сыграла большую роль в формировании национальной пищи и напитков адыгов²⁸.

В 70—80-е годы в связи с развитием земледелия на равнине начали на больших площадях возделывать пшеницу и кукурузу. Это было вызвано все возрастающим спросом капиталистического рынка и развивающейся промышленности, для которой эти культуры служили сырьем. Необходимо отметить, что пшеница, один из древнейших культурных злаков Кавказа, мало была знакома равнинным жителям и особенно кабардинцам. Переселяясь на равнину, горцы привозили с собой и сорта этой культуры, передавая их своим соседям — русским казакам. Во всяком случае во второй половине XIX в. пшеница возделывалась почти всеми жителями равнины. Исключение составляла Большая Кабарда, где земледелие оставалось до конца XIX в. подсобным занятием, и для внедрения пшеницы в быт кабардинцев царские чиновники часто прибегали даже к административным мерам. Так, по решению сельского управления, каждый хозяин обязан был вспахать полдесятины под озимую пшеницу.

Одной из наиболее распространенных культур на равнине была кукуруза — культура более позднего периода. Ее появление на Кавказе впервые отмечено в XVI в. в Грузии²⁹, откуда она проникла, возможно, и в некоторые районы Северного Кавказа, в частности на чеченскую равнину³⁰.

Во всяком случае можно полагать, что уже в это время кукуруза стала возделываться северо-западными адыгами, воспринявшими ее либо от грузин, либо от турок, с которыми они вели издавна широкий торговый обмен³¹. У других народов региона эта культура известна с XVIII — начала XIX в.³² Вызывает интерес и ее название — «хлеб нартов», встречаемое почти у всех горцев: у адыгейцев — нартыф, у черкесов и кабардинцев — нартыху, у балкарцев-карачаевцев — нартох, у осетин — нартхор. Такое легендарное название кукуруза заслужила благодаря большим початкам, крупным размерам зерна и высокой урожайности, чему способствовали местные климатические и почвенные условия. Тем

²⁷ В 1903 г. в отчете начальника Терской области говорилось: «Из яровых в больших размерах производится просо, посевом которого преимущественно занимаются кабардинцы Нальчикского округа, употребляющие почти исключительно просяной хлеб» («Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1903 г.», Владикавказ, 1904, стр. 82).

²⁸ «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 175; Г. Х. Мамбетов, Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1971, стр. 340—389.

²⁹ Л. Л. Декапрелевич, Из истории культуры кукурузы в СССР, «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства», сб. II, 1956, стр. 371.

³⁰ Тем не менее, судя по термину *хажка* — «кукуруза — пшеница из Мекки», и по народному преданию, культура эта могла быть занесена и чеченскими паломниками из Мекки.

³¹ Центральный государственный архив Краснодарского края, ф. 581, ед. хр. 322, лл. 1—12.

³² «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 172.

не менее до 80-х годов XIX в. кукуруза оставалась у многих горцев Северного Кавказа лишь огородной культурой³³. И только у чеченцев она, как отмечалось, настолько широко культивировалась уже в первой половине XIX в., что вызвала появление новых оросительных каналов, новых сельскохозяйственных орудий, в частности своеобразных борон и мотыг. Благодаря возделыванию кукурузы на больших площадях чеченская равнина стала житницей всего Восточного Кавказа. Специальные кукурузные базары во многих селах Чечни обеспечивали хлебом не только приезжих горцев, но и соседних русских казаков. В конце XIX — начале XX в. кукуруза стала почти у всех равнинных жителей преобладающей и в ряде случаев единственной земледельческой культурой³⁴.

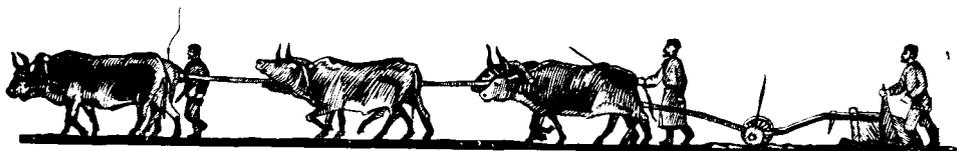

Рис. 2. Вспашка тяжелым деревянным передковым плугом

Сельскохозяйственные орудия жителей равнины, так же как и горцев, обладали во многих случаях локальными и этническими особенностями. Одним из наиболее распространенных пахотных орудий на равнине был адыгский (черкесский) тяжелый передковый плуг, в который впрягали до четырех-пяти пар волов. Этот плуг применялся не только адыгскими народами — адыгейцами, черкесами и кабардинцами, — но и абазинами и ногайцами, а также переселившимися с гор на равнину осетинами, балкарцами, карачаевцами³⁵, отчасти ингушами и чеченцами. Несмотря на такое широкое распространение, орудие это, возникшее, несомненно, еще в период средневековья³⁶, является по происхождению адыгским. В быту адыгов тяжелый плуг сохранился дольше, чем у других горцев. Еще в первые годы Советской власти в ряде мест Большой Кабарды вспашка производилась и этим орудием наряду с усовершенствованными легкими плугами. Столь длительное бытование тяжелого плуга объясняется, по-видимому, тем, что у адыгов по обычаю запрещалось использование лошади в качестве тягловой силы. Кабардинская поговорка гласит: «грешно есть хлеб, полученный с участка, вспаханного лошадей». По представлению адыгов, лошадь должна была служить только для верховой езды. Наряду с адыгским плугом значительное распространение имел, главным образом у осетин, чеченцев и ингушей, тяжелый украинский плуг, привезенный соседними русскими казаками в XVIII в. с юга России. Повсеместно применялось и горное орудие (рало) для вторичной вспашки после плуга.

Большим своеобразием отличались у горцев орудия сева, боронования, уборки, молотбы и т. д. Так, например, наиболее распространенным орудием сева была продолговатая плетеная корзина с дощатым дном и ременной петлей, набрасывавшейся на плечо. Чеченцы наряду с такой корзиной пользовались при севе переметными сумами и обычным кавказским башлыком. Локальной и этнической спецификой от-

³³ М. К. Гарданов, Селение, Христианское в фактах жизни, «Изв. Осетинского НИИ краеведения», вып. 1, Владикавказ, 1926.

³⁴ Так, например, в 1915 г. в отчете начальника Терской области говорилось «... в отчетном году, как и в прошлые годы, преобладала культура яровых хлебов. Первое место среди них по занимаемой площади принадлежит кукурузе, которая составляет главное продовольственное средство горского населения и, кроме того, имеет широкий и всегда обеспеченный сбыт в качестве материала для добывания спирта и крахмала» («Отчет начальника Терской области за 1915 г.», Владикавказ, 1916, стр. 61).

³⁵ И. М. Шаманов, Земледелие и земледельческий быт карачаевцев, сб. «Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии», 1971, стр. 65.

³⁶ Б. А. Калоев, Осетины, М., 1971, стр. 76—78.

личались и другие сельскохозяйственные орудия у ингушей, осетин, кабардинцев и т. д.

Развитие капитализма, рост посевных площадей вызвали появление на всей равнинной полосе Северного Кавказа большого количества различных сельскохозяйственных орудий и машин, которые поставлялись отечественными и зарубежными фирмами и товариществами, имевшими свои агентства во многих городах края. Широко были известны «Товарищество „сакковских плугов“ и железных борон „зигзаг“», «Международная компания жатвенных машин», акционерное общество Р. и Т. Эльворти, поставлявшее сеялки, и т. д.³⁷ Особенно активно распространяли свои изделия немецкие фирмы плугов: Сакка, Эккерта, Магдебурга, Говарда и др.³⁸ Каждая из них широко рекламировала свои изделия. «Такое разнообразие плугов — писал современник в 1881 г., положительно ставит втупик хозяина: какой выбрать для своего хозяйства? Каждая фирма хвалит свой плуг, выставляя похвальные отзывы различных выставок и конкурсов»³⁹.

Из орудий указанных фирм наибольшее распространение у горцев имели сакковские однолемешные плуги (под № 7, 8), отличавшиеся своей легкостью; в такой плуг впрягали трех лошадей или две пары волов.

Таким образом, уже в конце XIX — начале XX в. на смену традиционным архаичным орудиям у подавляющего большинства равнинных жителей пришли железные плуги и железные бороны, жатвенные машины, ручные, конные и паровые молотилки, веялки⁴⁰ и т. д. В то же время многие крестьяне, не имея возможности покупать или арендовать на время фабричные сельскохозяйственные орудия и машины, продолжали пользоваться своими традиционными орудиями. Характерно, что фабричные орудия и машины совершенно не были известны в горных районах. Здесь многие традиционные орудия настолько отвечали требованиям местных условий, что горцы предпочитают пользоваться ими и в наши дни.

Подводя итог, мы можем отметить, что земледелие как одно из главных занятий горцев Северного Кавказа развивалось в горах и на равнине неравномерно. Это было вызвано не только климатическими и почвенными условиями, но и рядом исторических, социальных и этнических факторов.

В свое время интенсивное развитие горного земледелия, начавшееся еще в позднем средневековье, вызвало появление новых сортов важнейших культурных злаков, усовершенствование сельскохозяйственных орудий, возникновение новых навыков и приемов земледелия.

Низкий уровень развития земледелия на плодородной равнине до 80-х годов XIX в. объясняется как утерей земледельческих традиций в период монгольского завоевания, так и последовавшим ростом скотоводства в этих районах — занятия, более выгодного в новых условиях.

В 80-е годы XIX в. начался новый этап развития земледелия на равнинах Северного Кавказа. Рост посевных площадей, вызванный все воз-

---

³⁷ По данным, например, «Кубанской справочной книжки за 1894 г.», на Кубани в то время вспашку производили немецкими, английскими, молдавскими, американскими, бессарабскими, болгарскими и таврическими плугами, причем наибольшее количество из них составляли немецкие (3929), бессарабские (364), таврические (464) и пукера — многолемешные плуги (364). «Кубанская справочная книжка 1894 года», Екатеринбург, 1894, стр. 12.

³⁸ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 64, ед. хр. 126, лл. 14—16; ед. хр. 123, лл. 1—10.

³⁹ В. Мозговой, Плуг и соха (историко-экономический очерк), «Труды Вольного экономического общества», т. III, СПб., 1881, стр. 195.

⁴⁰ В 1909 г., например, в Ставропольской губернии, куда входила и часть горского населения, общее количество орудий и машин увеличилось на 4732 шт., или на 4,5% («Обзор Ставропольской губернии за 1909 г.», Ставрополь, 1909, стр. 38).

растающим спросом на рынке товарного хлеба (пшеницы и кукурузы), а также массовое переселение горцев на равнину изменили соотношение горного и равнинного земледелия в пользу равнинного. Этот период можно считать началом упадка горного земледелия.

В целом этнографический материал показывает давность традиций и высокий уровень развития богарного и поливного земледелия в горных районах Северного Кавказа.

AGRICULTURE OF THE HIGHLAND PEOPLES OF NORTH CAUCASUS

(CERTAIN RESULTS OF WORK ON THE CAUCASIAN HISTORICAL-ETHNOGRAPHICAL ATLAS)

The article deals with the development of agriculture in the XIXth — early XXth centuries among the North Caucasus highland peoples, their agricultural implements, crops, the principal systems of agriculture in use over the whole of this area.
